

В.П. Мещеряков

Онегин

Герой романа в стихах А.С. Пушкина «Евгений Онегин» предстает перед читателем как «молодой повеса», который мчится унаследовать имение находящегося при смерти дядюшки... Онегин заранее томится той скукой, что ему предстоит. «С больным сидеть и день и ночь... Полуживого забавлять, Ему подушки поправлять... Вздыхать и думать про себя: Когда же черт возьмет тебя!» Однако Онегину не пришлось выдержать это испытание: прибыв в деревню, он уже не застал дядю в живых.

В детстве Онегин был доверен вначале попечению французенки-гувернантки, а затем «француза убогого», который, «чтоб не измучилось дитя, Учил его всему шутя».

Став юношей, в «пору надежд и грусти нежной», Онегин, одетый по последней моде, оказался предоставленным самому себе.

В числе его достоинств, ценимых в свете, — свободное владение французским языком, умение танцевать и непринужденные манеры.

Чего ж вам больше? Свет решил,
Что он умен и очень мил.

Кроме того, «по мнению многих (Судей решительных и строгих)», Онегина можно было даже считать «ученым», почти «педантом» (а это не приличествовало светскому человеку), поскольку в разговоре он мог затронуть любую тему и в важном споре умел хранить многозначительное молчание «и возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм».

Познаний Онегина хватало и на то, чтобы продемонстрировать при случае знание нескольких латинских фраз или процитировать «хоть не без греха / Из Энеиды два стиха». Исторические познания Онегина выражаются в том, что «дней минувших анекдоты / От Ромула до наших дней / Хранил он в памяти своей».

К поэзии / был совершенно равнодушен, не умел отличить ямба от хоря, но «читал Адама Смита».

Главное же дарование Онегина проявлялось в другой сфере.

...в чем он истинный был гений,
Что знал он тверже всех наук,
Что было для него измлада
И труд, и мука, и отрада,
Что занимало целый день
Его тоскующую лень, —
Была наука страсти нежной...

Онегин умел очень убедительно казаться мрачным, внимательным или равнодушным, красноречивым, нежным и дерзким; умел забавлять, побеждать умом и страстью, умел «подслушать сердца первый звук, / Преследовать любовь...», «тревожить сердца кокеток записных», злословить соперников и дружить с мужьями своих возлюбленных.

День Онегина начинается с того, что утром он получает приглашения в несколько домов. В первой половине дня он прогуливается по бульвару, потом едет обедать в модный ресторан, где наслаждается изысканным обедом.

Вечером Онегин, «театра злой законодатель, / Непостоянный обожатель / Очаровательных актрис / Почетный гражданин кулис», отправляется в театр. Он небрежно «идет меж кресел по ногам», скептически оглядывает публику, рассеянно смотрит на сцену и изрекает:

Всех пора на смену;
Балеты долго я терпел,
Но и Дидло мне надоел.

Не досмотрев спектакля, Онегин отбывает домой, переодеться перед балом.

Кабинет Онегина обставлен по последней моде. Фарфоровые и бронзовые безделушки, всевозможные туалетные принадлежности («щетки тридцати родов / И для ногтей и для зубов») — «все украшало кабинет / Философа в осьмнадцать лет». Той же данью моде являются

И лорда Байрона портрет,
И столбик с куклою чугунной
Под шляпой с пасмурным челом,

облагораживающие «сельскую простоту» его кабинета в деревне.

Уже утром, когда к своим дневным трудам спешат купцы, разносчики, булочники, О. появляется в своих апартаментах.

И утро в полночь обротя,
Спокойно спит в тени блаженной
Забав и роскоши дитя.
Проснется за полдень, и снова
До утра жизнь его готова,
Однообразна и пестра.
И завтра то же, что вчера.

Но ни свобода, ни молодость, ни постоянные развлечения не делают Онегина счастливым.

...рано чувства в нем остыли;
Ему наскучил света шум;
Красавицы не долго были
Предмет его привычных дум;
Измены утомить успели;
Друзья и дружба надоели...

Он пробовал было заняться литературой, «зевая, за перо взялся», но скоро бросил — «труд упорный / Ему был тошен; ничего / Не вышло из пера его». Занятия наукой также были непродолжительны: «читал, читал, а все без толку: / Там скука, там обман иль бред... И устарела старина, / И старым бредит новизна».

Онегин уже собрался путешествовать, однако кончина отца, а потом и дяди не дали осуществиться и этому намерению. Получив после дядюшки наследство (от отцовского он благоразумно отказался, так как оно было обременено долгами), Онегин становится сельским жителем, радуясь, что «прежний путь / Переменил на что-нибудь».

Первые два дня его занимали поля, дубравы, рощи и ручьи...

Потом увидел ясно он,
Что и в деревне скука та же...
Хандра ждала его на страже
И бегала за ним она,
Как тень иль верная жена.

Ища себе занятие, Онегин учредил новый порядок в своих владениях, «чтоб только время проводить»:

Ярем он барщины старинной
Оброком легким заменил;
И раб судьбу благословил,

что, правда, вызвало неудовольствие соседей-помещиков, решивших, что Онегин «опаснейший чудак». Эту репутацию укрепляет и нежелание Онегина знаться с соседями.

Единственный, с кем он сходится, — новый владелец соседнего поместья Владимир Ленский. Несмотря на разницу во взглядах («Волна и камень, / Стихи и проза, лед и

пламень / Не столь различны меж собой»), Онегин и Ленский вскоре стали неразлучны.

Меж ими все рождало споры
И к размышлению влекло:
Племен минувших договоры,
Плоды наук, добро и зло,
И предрассудки вековые,
И гроба тайны роковые,
Судьба и жизнь в свою чреду,
Все подвергалось их суду.

Онегин слушал пылкие тирады друга с улыбкой, стараясь удержать напрашивающееся «охлаждающее слово».

И думал: глупо мне мешать
Его минутному блаженству;
И без меня пора придет;
Пусть покамест он живет
Да верит мира совершенству...

Нечувствительный к поэзии, Онегин даже снисходит до слушания «северных поэм», которые сочиняет Ленский, «хоть их не много понимал».

Особенно часто и охотно рассуждают они о любви, от которой, как считает Онегин, он уже излечился навсегда. Ленский же рассказывает другу своей «любви младую повесть».

В один из вечеров Ленский уговорил Онегина навестить вдову Ларину, в дочь которой, Ольгу, влюблен «младой поэт». Онегин снисходительно отзывается о хозяйке дома («очень милая старушка»), но не одобряет выбора Ленского.

В чертах у Ольги жизни нет.
<...>
Кругла, красна лицом она,
Как эта глупая луна
На этом глупом небосклоне.

Ее старшая сестра, Татьяна, по мнению Онегина, гораздо одухотвореннее Ольги.

На Татьяну же появление в их провинциальном уединении столичного денди производит сильное впечатление («пора пришла, она влюбилась»). В необдуманном порыве она пишет письмо Онегину, открывая ему свое сердце.

Онегин растроган посланием Татьяны («язык девических мечтаний / В нем думой возмутил»). На минуту им овладевает былой пыл, но «обмануть он не хотел / Доверчивость души невинной». Уединившись с Татьяной в саду, Онегин старается быть с ней предельно тактичным и искренним.

Мне ваша искренность мила;
Она в волненье привела
Давно умолкнувшие чувства...
Я за нее вам отплачу
Признаньем также без искусства...

Он уверяет Татьяну, что любовь для него уже давно не существует, что если бы он захотел наконец ограничить свою жизнь «домашним кругом», то не искал бы иной спутницы жизни, кроме Татьяны...

Но я не создан для блаженства;
Ему чужда душа моя;
Напрасны ваши совершенства:
Их вовсе не достоин я.
Поверьте (совесть в том порукой),
Супружество нам будет мукой.
Я, сколько ни любил бы вас,
Привыкнув, разлюблю тотчас;

Начнете плакать: ваши слезы
 Не тронут сердца моего,
 А будут лишь бесить его.
 Судите ж вы, какие розы
 Нам заготовит Гименей
 И, может быть, на много дней.

Свою речь Онегин завершает нравоучением:

Полюбите вы снова: но...
 Учитесь властвовать собою;
 Не всякий вас, как я, поймет;
 К беде неопытность ведет.

Однако с наступлением холодов, несмотря на спокойное размеренное существование, Онегин «вдался в задумчивую лень». Из этого состояния его на время вывел визит Ленского, который приглашает Онегина на именины Татьяны.

Появление Онегина среди гостей, прибывших поздравить именинницу, было тяжелым испытанием для Татьяны («...ей душно, дурно; / Она приветствий двух друзей / Не слышит...»)

Траги-нервических явлений,
 Девичьих обмороков, слез
 Давно терпеть не мог Евгений...

Свою досаду он изливает на Ленского, затащившего его к Лариным.

...девы томный вид,
 Ее смущение, усталость
 В его душе рождали жалость:
 Он молча поклонился ей,
 Но как-то взор его очей
 Был чудно нежен. Оттого ли,
 Что он и вправду тронут был,
 Иль он, кокетствуя, шалил,
 Невольно ль, иль из доброй воли,
 Но взор сей нежность изъявил:
 Он сердце Тани оживил.

И все же Онегин не отказался от желания побесить Ленского. Раз за разом вальсирует он с Ольгой, «ей шепчет нежно / Какой-то пошлый мадригал, И руку жмет — и заплял / В ее лице самолюбивом / Румянец ярче».

Онегин добился своего. Вне себя от гнева на коварного друга и ветреную невесту Ленский покидает бал, горя жаждой мщения. Он решает вызвать Онегина на дуэль.

Наутро Онегина посетил бывший бретер, «глава повес, трибун трактирный», Зарецкий, доставивший соседу вызов от Ленского. Хотя Онегин внешне казался невозмутимым, в душе он в случившемся винил себя.

Во-первых, он уж был не прав,
 Что над любовью робкой, нежной
 Так подшутил вечер небрежно.
 А во-вторых: пускай поэт
 Дурачится; в восемнадцать лет
 Оно простительно. Евгений,
 Всем сердцем юношу любя,
 Был должен оказать себя
 Не мячиком предрассуждений,
 Не пылким мальчиком, бойцом,
 Но мужем с честью и с умом.

Он мог бы чувства обнаружить,
 А не щетиниться, как зверь;
 Он должен был обезоружить

Младое сердце. «Но теперь
Уж поздно; время улетело...
К тому ж — он мыслит — в это дело
Вмешался старый дуэлист;
Он зол, он сплетник, он речист...
Конечно, быть должно презренье
Ценой его забавных слов,
Но шепот, хохотня глупцов...»
И вот общественное мнение!
Пружина чести, наш кумир!
И вот на чем вертится мир!

В утро дуэли Онегин «спал... мертвым сном» и, как ни торопил он своего слугу, француза Гильо, к месту поединка прибыл с большим опозданием. Онегин не позаботился обзавестись секундантом и предложил, чтобы таковым был Гильо.

«Мой секундант? — сказал Евгений,
Вот он: мой друг, monsieur Guillot.
Хоть человек он неизвестный,
Но уж конечно малый честный».

В этом предложении, как и в опоздании на поединок, проявилось явное пренебрежение Онегина к Зарецкому, которого таким образом приравнивали к лакею (недаром Зарецкий «губу закусил»), и не слишком серьезное отношение к дуэли. Онегин явно не собирался убивать или ранить противника, но в силу светских предрассудков, даже очевидно презирая Зарецкого, действует все же по его сценарию.

Не засмеяться ль им, пока
Не обагрилась их рука,
Не разойтись ль любовно?..
Но дико светская вражда
Бойтся ложного стыда.

Срабатывает стереотип дуэльного «кодекса чести» — выстрел Онегина, произведенный почти автоматически, подводит кровавый итог нелепому недоразумению. «Онегин к юноше спешит, / Глядит, зовет его... напрасно: Его уж нет».

О таком исходе поединка Онегин и не помышлял. Вот почему он «в тоске сердечных угрызений, / Рукою стиснув пистолет, Глядит на Ленского...» «Окровавленная тень» безвременно погибшего от его руки друга вынуждает Онегина покинуть деревню.

Вновь с Онегиным читатель встречается по прошествии нескольких лет. Автор вопрошает:

Все тот же ль он, иль усмирился?
Иль корчит так же чудака?
Скажите: чем он возвратился?
Что нам представит он пока?
Чем ныне явится? Мельмотом,
Космополитом, патриотом,
Гарольдом, квакером, ханжой,
Иль маской щегольнет иной,
Иль просто будет добрый мальй,
Как вы да я, как целый свет?

Однако действительность еще тривиальнее: баловень судьбы,

Убив на поединке друга,
Дожив без цели, без трудов
До двадцати шести годов,
Томясь в бездействии досуга,
Без службы, без жены, без дел,
Ничем заняться не умел.

Онегин пробует развлечься путешествиями, но и «странствия без цели» вскоре надоели ему.

На балу в Петербурге Онегин встречается с Татьяной, привлекающей всеобщее внимание своей красотой и изысканностью манер. Он не верит своим глазам. Неужели эта блестящая светская дама та самая наивная девочка «из глуши степных селений»?

Онегин просит князя, «родню и друга своего», представить его; при этом выясняется, что Татьяна — жена князя. Она великолепно владеет собой, ни жестом, ни взглядом не выдавая своих чувств при встрече со старым знакомым. Он же, напротив, может быть, впервые в жизни растерялся.

С ней речь хотел он завести
И — и не мог.

В задумчивости едет Онегин домой. Ночью его тревожат грустные и прелестные мечты. Утром Онегин получает приглашение к князю N. С этого момента, как в ранней юности, Онегин испытывает странное смятение.

Онегин вновь часы считает,
Вновь не дождется дню конца.
Но десять бьет; он выезжает,
Он полетел, он у крыльца,
Он с трепетом к княгине входит;
Татьяну он одну находит,
И вместе несколько минут
Они сидят. Слова нейдут
Из уст Онегина. Угрюмый,
Неловкий, он едва-едва
Ей отвечает. Голова
Его полна упрямой думой.

Целый вечер Онегин, не обращая ни на кого внимания, занят лишь Татьяной, в которой теперь он видит «неприступную богиню». «В тоске любовных помышлений / И день и ночь проводит он», используя малейшую возможность хотя бы просто увидеть Татьяну, и счастлив, если коснется ее руки или поднимет платок. Однако же все усилия Онегина напрасны — Татьяна словно не замечает его, хотя и не избегает встреч («кокетства в ней ни капли нет»). Онегин изнемогает — окружающие начинают думать, что он болен чахоткою. Наконец «больной, / Княгине слабою рукой / Он пишет страстное посланье», несмотря на то, что прежний опыт волокитства подсказывает ему: от таких писем мало толку. По всей вероятности, при этом Онегин не может не вспомнить письма Татьяны к нему и своей на него реакции. И все же — он не в состоянии промолчать...

Чего хочу? с какою целью
Открою душу вам свою?
Какому злобному веселью,
Быть может, повод подаю!
Случайно вас когда-то встреть,
В вас искру нежности заметя,
Я ей поверить не посмел:
Привычке милой не дал ходу;
Свою постылую свободу
Я потерять не захотел.

<...>

...Я думал: вольность и покой
Замена счастью. Боже мой!
Как я ошибся, как наказан.

Нет, поминутно видеть вас,
Повсюду следовать за вами,
Улыбку уст, движенье глаз
Ловить влюбленными глазами,

Внимать вам долго, понимать
Душой все ваше совершенство,
Пред вами в муках замирать,
Бледнеть и гаснуть... вот блаженство!

<...>

Я знаю: век уж мой измерен;
Но чтоб продлилась жизнь моя,
Я утром должен быть уверен,
Что с вами днем увижусь я...

<.. >

Но так и быть: я сам себе
Противиться не в силах боле;
Все решено: я в вашей воле
И предаюсь моей судьбе.

Но на свое пылкое и откровенное послание Онегин не получает отклика. Безответными остаются и второе и третье письма. При случайной встрече Татьяна обдаёт Онегина «крещенским холодом». «Надежды нет! Он уезжает, / Свое безумство прокликает — / И, в нем глубоко погружен, / От света вновь отрекся он».

Онегин пытается заняться чтением: поглощает философские трактаты, историческую и публицистическую литературу — выбор книг пестр и случаен, более того, даже архаичен (авторы, с которыми знакомится Онегин, принадлежат к XVIII и даже XVII веку).

И что ж? Глаза его читали,
Но мысли были далеко...

Куда бы ни устремился Онегин в своих мечтах, он неизменно помнит о ней.

Он так привык теряться в этом,
Что чуть с ума не своротил
Или не сделался поэтом.

В уединении провел он всю зиму и лишь ранней весной впервые покинул свое жилище и, разумеется, отправился к Татьяне. Онегин застаёт ее за чтением какого-то письма, над которым она проливает слезы.

В тоске безумных сожалений
К ногам ее упал Евгений.

Объяснение с Татьяной вылилось в ее монолог, после чего Онегин, так и не промолвивший ни слова, остался стоять «будто громом поражен», погруженный в «бурю ощущений». Появляется муж Татьяны, и автор навсегда оставляет своего героя «в минуту, злую для него».